

Коломиц

СОВЕТСКАЯ ПЛЕНКА
г. Москва

23 АПР 1985

1985

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Алексей Коломиц

СЦЕНА — ТА ЖЕ МАЛЕНЬКАЯ ПЛАНЕТА

Наша беседа с известным драматургом, лауреатом Государственной премии СССР Алексеем Федотовичем Коломицем проходила в Доме литераторов республики. Совсем рядом — Украинский драматический театр имени Ивана Франко, поставивший четверть века назад первую пьесу драматурга, комедию «Фараоны». Там же впоследствии обрели сценическую жизнь такие известные его произведения, как «Планета надежд», «Голубые олены», «Дикий Ангел»...

Мы говорим о сегодняшнем дне театра, драматургии, о том, как понимает он определение — «современный спектакль».

— Знаете, мне кажется, театр в своей основе не меняется, — сказал А. Коломиц. — Сегодня, как и десять лет назад, к зрителям выходят актеры, и начинается чудо перевоплощения. В устах иных критиков стало почти ругательным определение — традиционный театр. А ведь традиции — это лучшее, что сохранили века, это основа, древо, а «новые формы» — листья, они то появляются, то опадают. На сцене говорили то громко, то шепотом, играли в гриме и без грима, с занавесом и без занавеса, с декорациями и без них — все менялось, но наш театр оставался верным своим корням, методу социалистического реализма. Бессспорно поиск необходим, необходимо развивать и приумножать лучшие традиции нашего театра, но при этом помнить, что определяющим в искусстве остается все же не форма, а идеальное содержание.

У нас порой слишком узко понимают слово «современность» — лишь как новизну. А разве не современны Чехов, Горький?.. Постановка лучших пьес Островского, Карпенко-Карого, других наших классиков тоже может быть остробременна, как будут вечно современны проблемы верности Родине, жизни и смерти, мужества и малодушия, добра и зла. И не надо гнаться за крикливостью форм: надеть джинсы и кроссовки на героя пьесы прошлого века — разве в этом заключается современное прочтение классики?

Отмечу, что многие театры обрели свое творческое лицо, стали больше отличаться друг от друга. Появились режиссеры со своим неповторимым почерком, вообще театр становится все более «режиссерским»... Может, поэтому у нас теперь меньше актеров незаурядных, актеров-личностей.

— То есть выход на первый план режиссера в театре привел, на ваш взгляд, и к некоторым негативным явлениям?

— Если иметь в виду режиссерский диктат и как следствие некоторый спад актерского мастерства, да. Впрочем, и современная драматургия остается в долгу перед актером. Маловато в сегодняшних пьесах образов ярких, страстных, могущих служить положительным примером для молодежи. Особенно тревожит недолговечность, «сюминутность» многих драматургических произведений. За последние два десятилетия было поставлено немало пьес, поначалу привлекших зрителей новизной, вызвавших много шума, но вскоре канувших в Лету. Случалось так: зрителе уже не идет на спектакль, а критики продолжают дискутировать...

Плохо, что режиссеры часто глухи к тем, для кого творят. В погоне за ложной понятой злободневностью, будь то производство или быт, они торопят авторов, ставят лишь «горячие», а зачастую пьесы прямо «из-под пера»... Но ведь пьесы не блины, тем паче в народе говорят: хороши блины, пока горяч, а как остыв — хоть выбрось. Очерковость, иллюстративность многих злободневных по теме произведений сокращает их сценическую жизнь, между тем лучшие классические пьесы остаются современными и злободневными в самом высоком смысле слова.

— Да, но, кроме «вечных» вопросов, драматургов не могут не волновать насущные проблемы сегодняшнего дня. Другое дело, насколько художественно они решают их... Нельзя понимать современность лишь как новизну, но, согласитесь, без обостренного чувства нового, без счастливого дара «слышать время» драматургический талант не состоится. В последних ваших остро социальных пьесах «Дикий Ангел» и «Санитарный день» есть те новые пласти, каких не было в произведениях, скажем, десятилетней давности. Я говорю не только о проблемах — о самой атмосфере, настроении этих пьес.

— Писателей часто спрашивают, где берут они темы, сюжеты. По-моему, это тоже самое, что спрашивать пловца в реке: где ты берешь воду? Мы дышим одним воздухом с народом, живем общей жизнью, мы не свидетели, а участники ее, и все сделанное нами — сегодняшнее. В лучших пьесах обязательно есть биение

пульса сегодняшнего дня, есть ответы на общественные запросы, которыми живут люди сегодня. Но если писать о сегодняшних проблемах, не сопрягая нынешний день с вечностью, нынешнего героя с человеком как понятием вечных, произведению не стать явлением подлинного искусства.

— Алексей Федотович! Вот уже пятнадцать лет вы возглавляете комиссию по драматургии при Союзе писателей республики. Хотелось бы услышать от вас о сегодняшнем дне украинского театра, о его авторах.

— Каждое национальное искусство имеет свое лицо. Мне кажется, что украинскому театру всегда была присуща близость к народным корням, к жизни простых людей-тружеников. Музыка, песня присущи нашему театру в той же мере, что и слово. Надо сказать, что наш театр всегда испытывал на себе благотворное влияние русского искусства — это касается и драматургии, и режиссуры, и актерского мастерства.

Когда говорят об украинской литературе, театре, порой отмечают, что им свойственны как бы излишняя приподнятость, романтизм. Убежден: романтизм этот надо понимать не как «котурины» — это романтизм мужества, романтизм Довженко, Гончара, романтизм социально активный. Это не красочность ради красочности, а стиль, идущий от народных корней, насыщающий мысль чувством. Театру необходимо некая приподнятость над бытом, на то он и театр. Испокон веков он дышал любовью к Родине, любовью к близкому человеку, ко всему сущему на земле.

Наша украинская драматургия стала теперь многограннее, богаче: один автор увлечен поэтическим театром, другой — интеллектуальным, третий разрабатывает производственную тему, четвертый — тему борьбы за мир. Разноплановость тем, многоцветье стилей радует, ведь бывало и так: некий мастер прошел — за ним новичок вслед. Теперь все больше авторов, и молодых, и опытных, торчит своим собственным путем.

Широко известен мой коллега Николай Зарудный, пьесы которого вот уже несколько десятилетий идут на многих сценах страны. Самобытны и талантливы Григорий Плоткин, Александр Левада, Любомир Дмитерко, Владимир Канивец, Владимир Пидсуха, Иван Рачада. Из других жанров пришли в драматургию Юрий Мушкетик, Виталий Коротич, Иван Драч, Юрий Шербак, Валерия Брублевская, Юрий Бедзик... Хотелось бы назвать еще многих авторов, заслуживших своим творчеством признание украинского зрителя. Сделать это стоило бы еще и потому, что нашу драматургию плохо знают в других республиках. Путь наших пьес в театрах братских республик долг. Немногим авторам под силу сделать добротный перевод, нет хорошо отглаженной службы информации и обмена пьесами... Здесь, мне кажется, очевидна недоработка министерств культуры СССР и союзных республик: мы должны лучше знать драматургию друг друга.

— В последнее время критики много спорят о том, каким должен быть положительный герой нашей литературы. Мне кажется, ваш Платон Ангел своим существованием в большой мере ответил на этот вопрос.

— Положительный герой романа, пьесы, поэмы должен быть прежде всего интересным человеком. Он должен быть личностью, человеком ярким, неравнодушным. Это носитель высокой идеи, мечты о будущем. Герой может ошибаться — он ведь не «ходячий лозунг», он человек, больше того, в пьесе совсем не обязательно четкое деление персонажей на положительных и отрицательных, но без положительной идеи, способной вызвать в зрителе высокие мысли и чувства, без приближения к коммунистическому идеалу в искусстве не обойтись.

Если говорить о таком герое, как Платон Ангел, то согласитесь: лет пятнадцать — двадцать назад этот строгий старик с блокнотом «грессбуком», склонный на улыбку, отирающий у детей зарплату, показался бы многим «антагонистом», семенным деспотом, погрязшим в мещанстве. На самом же деле это удивительно цельный и мудрый человек, вечный труженик, знающий счет деньгам, презирающий пустозвонство, а главное — живущий интересами страны, народа, считающий труд основой жизни. Никакое образование не даст желаемых результатов, если человеку с раннего детства не прививали любовь к труду.

— Труд и нравственность для Платона Ангела неразделимы — я думаю, что этим он и близок зрителям. Вообще тема нравственного отношения к труду, как я понимаю, одна из главных тем вашего творчества. Найдет ли она свое продолжение в новых пьесах?

— Безусловно. Помните известные слова: «Счастье — это, когда утром хочется на рабо-

ту, а вечером — домой». Без общественно важного, любимого труда человеческое счастье немыслимо. Поиск себя — это прежде всего поиск своего дела, своего места в жизни. Об этом моя новая пьеса «Убей льва» — не удивляйтесь такому странному названию. Говорят, одного человека спросили: кто он по профессии? Ответил: «Охотник на львов». Еще вопрос: «А сколько львов вы убили?» — «Ни одного...». Понимаете, если уж ты выбрал путь, то обязан идти до конца. Не пробежать, промелькнуть по жизни, а что-то сделать, совершив свой, пусть небольшой, подвиг. Ведь подвиги, и большие, и маленькие, объединяют одно общее качество: каждый из них заметен. Оглянувшись, человек видит: он что-то сделал, оставил след. Убежден, нет ни одного человека, которому хоть раз в жизни — чаще в юности — не захотелось что-то создать, свершить! А удастся это, может быть, одному из тысяч — тому, кто не изменил своей мечте, не побоялся пройти трудной дорогой держаний.

Мне кажется, невольный вред наносят страшные, не найдя своего призвания, занимаются не своим делом. Юноша не попал в один вуз — бросается в другой, где конкурс меньше, и вот из ста специалистов выходит, скажем, двадцать инженеров, ненавидящих технику, — изменить свою жизнь они уже не могут, не хотят. Уберечь молодых от такой незавидной судьбы — вот одна из задач, которую я ставил перед собой, когда писал пьесу о труде как о главной, определяющей ценности человеческой жизни...

— Алексей Федотович! Спектакль состоит из автора, режиссера, актеров и, конечно, зрителя. Отношения в этой цепочке редко бывают «безоблачными». Каким вы видите подлинное содружество создателей спектакля?

— Общеизвестно: плоха пьеса — плох и спектакль. Но бывает и так: пьеса хороша, а спектакль не получился. То есть качество спектакля в огромной степени зависит от режиссера. О плохих говорить не буду, тем более что в последние годы мне как автору везло: пьесы «Дикий Ангел» и «Санитарный день» поставил в нашем Театре им. Ивана Франко режиссер Владимир Оглоблин. Это очень опытный мастер, который меня понимает, — приятно, что на склоне лет я встретил творца-единомышленника. Относительно же того, кто в названной вами цепочке главный — автор, режиссер, актер или зритель, — отвечу: все они важны, нарушишь одно — и цепь нет.

В последнее время много пишут о том, что драматургам трудно «достучаться» до театра, особенно молодым. Эта проблема не нова: четверть века назад, когда я разбрал свою первую пьесу «Фараоны» по театрам Украины, никто не откликнулся. И лишь после того как комедию поставил Московский драматический театр имени Н. В. Гоголя, все украинские театры включили ее в свой репертуар... Режиссеры «боятся» ставить пьесы неизвестных авторов, не хотят рисковать. Нужно срочно исправлять положение, и кое-что в этом плане уже делается. На Украине, скажем, при Республиканском театральном обществе, работает лаборатория молодого драматурга. Есть и другие формы. Все это непременно даст свои положительные результаты.

Мы говорим о трудностях молодых драматургов, но в одном вопросе наши беды являются общими. Речь идет о неуважении театров к авторам. Всем нам трудно отстоять свои пьесы от переделок, иные режиссеры «переписывают» даже Чехова, что говорить о нас, смертных.

Партия не раз подчеркивала, что на нас, деятелях искусства, лежит громадная ответственность за воспитание нового человека, строителя коммунизма. Уходят в прошлое «розовые» спектакли с куцыми конфликтами и проблемами. Нам претит герой, являющийся одновременно прекрасным производственником, прекрасным общественником, прекрасным семьянином — словом, «прекрасным во всех отношениях», — некий запрограммированный автомат, робот. Но с другой стороны, нельзя мириться со спектаклями, где даже утром рисуют черными красками, делают упор лишь на негативные явления, пытаются «улучшить» людей на примерах от противного. Уж больно много у нас порой на сцене «чернухи» — пьянства, цинизма, неуважительного отношения людей друг к другу. Видя на сцене подобное, кто-то из зрителей подумает: «Насколько я лучше этих «героев»... Да я паника в сравнении с ними!..» О каком же столь необходимом театру катарисе, очищении здесь может идти речь? Я не хочу сказать, что зритель должен видеть на сцене лишь добро — он должен видеть то главное, чего не разглядев в суете будней, должен задуматься над тем, о чем не думал раньше. Конечно, не каждый зритель готов подняться на эту высоту, не каждый приходит в театр за возможность нового постижения мира. Надо знать сегодняшнего зрителя, быть, как говорится, немножко впереди.

Я уже говорил как-то: сцена — это маленькая планета... А что если драматург заселит ее одинаковыми серенькими людьми или, скажем, сплошь бездушными, злыми.. Пусть характеры обитателей этой планеты будут крупны, пусть мысли и чувства в спектакле будут масштабны, пусть каждый вечер зритель смеется и плачет, заново открывает для себя яркий, неповторимый мир. Мир Театра.

Беседу вели
Б. МИХАЙЛОВ.